

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.10>

КРЕСТЬЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЕЛЕЦКОГО УЕЗДА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

Александра Сергеевна Пальчикова

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина (д. 28, ул. Коммунаров, 399770, Елец, Российская Федерация)
Аспирант
palchikova1994@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3061-7325>

Аннотация. Введение. Изучение крестьянского населения Среднего Подонья XVII века представляет значительный интерес в современной исторической науке, поскольку крестьяне играли важную роль в хозяйственном развитии данного региона. Основное внимание уделяется сельскому населению Елецкого уезда начала XVII столетия. Статья связана с анализом елецкой переписной книги первой трети XVII века, целью которого является выявление численности крестьянского населения уезда, количества крестьянских дворов и определения их средней «людности». **Материалы и методы.** Методологическая база основана на общенаучных, общеисторических и междисциплинарных методах исследования, в частности применяются корреляционный метод в решении некоторых задач исследования. Источниковую базу составляет Писцовая и межевая книга поместных и вотчинных земель Елецкого уезда Леонтия Погожева и Кирилла Семенова 1628-1630 гг. **Анализ.** Крестьянское население Елецкого уезда первой трети XVII века проживало в четырех станах (Елецкий, Воргольский, Бруслаповский, Засосенский). Дворы крестьян и бобылей распределялись по станам и населенным пунктам неравномерно. Анализ писцовых данных показал, что средняя людность двора равна 1. В елецких поместьях и вотчинах их доля доходило до 94%. Писцы, описывая села и деревни в Елецком уезде 1628/1630 гг., указывали во дворе хотя бы одного человека, чтобы зафиксировать его как «живущий». На уровне станов преобладание

«однолюдных» дворов территориально соответствует преобладанию поместного землевладения. **Результаты.** Размещение крестьянских дворов в селах и деревнях Елецкого уезда в первой половине XVII века определялось несколькими ключевыми факторами. Особую значимость имело воздействие внешних угроз, связанных с регулярными нападениями крымских татар в первой половине XVII века. Это обстоятельство значительно замедляло освоение земель и приводило к неравномерному распределению крестьянского населения. В обстановке внешней опасности со стороны крымских татар, частых случаев бегства крестьян, было важно зафиксировать дворовладельца – человека, способного обрабатывать землю и нести тягло по отношению к землевладельцу. В этом были заинтересованы как помещики, так и государство.

Ключевые слова: крестьяне, бобыли, Елецкий уезд, крестьянское население, крестьянский двор, XVII век

Для цитирования: Пальчикова А. С. Крестьянское население Елецкого уезда первой трети XVII века // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 645–650. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.10>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 28.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

PEASANT POPULATION OF YELETS DISTRICT IN THE FIRST THIRD OF THE 17TH CENTURY

Alexandra S. Palchikova

Yelets State University named after I. Bunin (28, Kommunarov St., 399770 Yelets, Russian Federation)
Postgraduate student
palchikova1994@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3061-7325>

Abstract. Introduction. The study of the peasant population of the Middle Don region in the 17th century is of significant interest in contemporary historical science, as peasants played a crucial role in the economic development of this area. The focus is on the rural population of the Yelets uyezd in the early 17th century. The article aims to analyze the census books from the first half of the 17th century, with the objective of determining the size of the peasant population in the Yelets uyezd, the number of peasant households, and assessing their average population density. **Methods and materials.** The methodological framework is based on general scientific, historical, and interdisciplinary research methods, particularly employing a microhistorical approach to address the research questions. The source base consists of the land survey and boundary books of the estate and landholdings in the Yelets uyezd by Leonty Pogozhev and Kirill Semyonov from 1628-1630. **Analysis.** The peasant population of the Yelets uyezd in the first third of the 17th century lived in four districts. Peasant households were distributed unevenly across the districts and settlements. The analysis of the tax data revealed that the average household size was 1 person. In the Yelets estates and landholdings, their share reached up to 94%. The scribes, when describing villages and hamlets in the Yelets uyezd in 1628/1630, noted at least one person in a household to register it as «inhabited». At the district level, the prevalence of «single-person» households corresponded territorially to the predominance of estate landownership. The close interrelation between the peasant and the landowner is indicated

by correlation data, showing that around 90% of all peasants and landless labourers in the district lived on estate lands. **Results.** The placement of peasant households in the villages and hamlets of the Yelets district in the first half of the 17th century was determined by several key factors. The impact of external threats, particularly from the regular raids by the Crimean Tatars in the first half of the 17th century, was of particular significance. This situation considerably slowed down the development of the land and led to an uneven distribution of the peasant population. In the context of external danger from the Crimean Tatars and frequent instances of peasant flight, it was crucial to document the household owner – a person capable of cultivating the land and bearing obligations to the landowner. Both landowners and the state had a vested interest in this.

Keywords: peasants, bobylys, Yelets uyezd, countryside population, peasant's yard, 17th century

For citation: Palchikova AS. Peasant population of Yelets district in the first third of the 17th century. Humanities and law research. 2025;12(4):645-650. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.10>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.03.2025

The article was approved after reviewing: 28.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Введение. Крестьянское население Среднего Подонья XVII в. является одним из актуальных тем в отечественной историографии, поскольку крестьяне играли важную роль в хозяйственном освоении данного региона. Исследования этой категории сельского населения позволяют глубже рассмотреть процессы колонизации южнорусского порубежья. Поэтому в фокусе нашего внимания находится крестьянское население Елецкого уезда первой трети XVII в. Несмотря на то, что некоторые аспекты, касающиеся елецких крестьян, находят отражения в статьях отечественных исследователей [6; 7; 8], однако данная категория населения Елецкого уезда XVII в. остается слабоизученной, в частности их численность и расселение по населенным пунктам уезда. Поэтому целью нашего исследования является анализ писцовых данных первой трети XVII в., и на их базе определение численности крестьян в елецких селах и деревнях. Важным вопросом в работе является рассмотрение крестьянского двора и его средняя «людность».

Материалы и методы. Методологическая база основана на общенаучных и общеисторических методах исследования, принципах историзма, объективности и системности. Внимание так же уделено количественному и корреляционному методам. Источниковую базу составляет Писцовая и межевая книга поместных и вотчинных земель Елецкого уезда Леонтия Погожева и Кирилла Семенова 1628-1630 гг. Она дошла до нас в подлиннике и хранится в фондах РГАДА [10]. На 1847 листах идет описание населенных пунктов по четырем станам: Елецкий, Засосенский, Бруслановский и Воргольский. В каждом зафиксированы поместные и вотчинные земли с указанием их владельцев, крестьянских и бобыльских дворов. После описания стана идет итог по количеству земли (сошный итог) и дворов («с живущего»), а затем и общий по уезду. Поскольку книга писцовая и межевая, в конце нее содержатся сведения о границах поместий и вотчин, начинающиеся с преамбулы: «Книги Елецкие уезду поместные и вотчинные межевые письма и меры и меживания Левонтия Григорича Погожева да подьячего Кирилла Семенова» [10, л.1571]. Сохранность источника удовлетворительная. Некоторые листы порваны, первые два листа с утратами. Местами текст размыт. В целом, книга почти не имеет пропусков.

Анализ. Крестьянское население Елецкого уезда первой трети XVII в. проживало в четырех станах (Елецкий, Воргольский, Бруслановский, Засосенский). Их административные границы получили свое оформление к началу XVII в. В писцовой и межевой книге Елецкого уезда Леонтия Погожева и Кирилла Семенова 1628/1630 гг. было записано 1188 крестьянских (1346 человек) и 758 бобыльских (1022 человека) дворов.

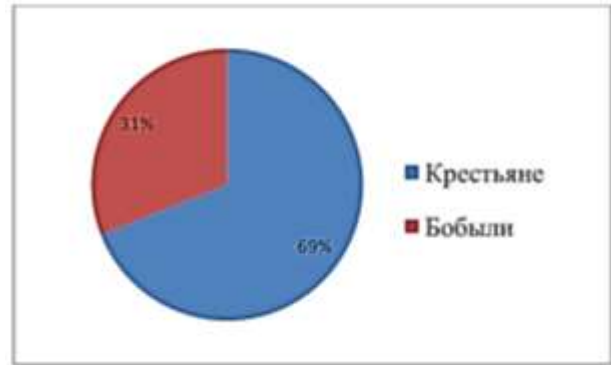

Диаграмма 1 / Diagram 1. Соотношение крестьянских и бобыльских дворов Елецкого уезда в первой трети XVII века, в % / The ratio of peasant and bobyly households in Yelets uyezd in the first third of the 17th century, in %

Большая часть крестьянских дворов находилась в северо-восточных и западных частях уезда. Данную ситуацию наглядно отражают диаграммы 2 и 3, в которых представлено процентное соотношение крестьянских и бобыльских дворов по елецким станам: более половины крестьян территориально располагались в Елецком и Воргольском станах, треть – в Бруслановском. Меньше всего крестьян писцы записали «за рекой Сосной» в Засосенском стане (17 – 20% от общего числа крестьянских и бобыльских дворов). Несмотря на то, что по площади он был самым большим (его территория превышала все остальные станы, вместе взятые), однако его заселение и освоение в XVII в. происходила достаточно медленно. Это было связано, прежде всего, с частой угрозой нападения на данные земли татар. Неслучайно, Засосенский стан иногда назывался «Крымской стороной», т.е. местом, откуда приходят отряды крымских татар [8, с. 108-111].

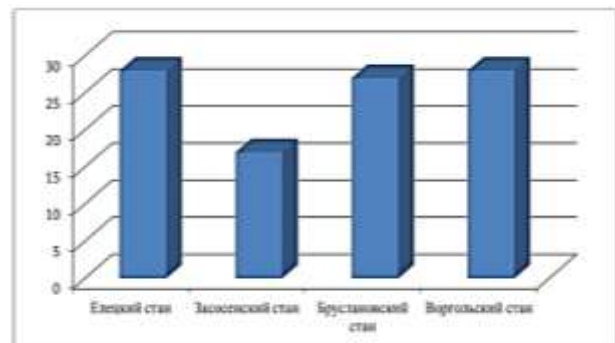

Диаграмма 2 / Diagram 2. Количество крестьянских дворов в станах Елецкого уезда по данным писцовой книги 30-х гг. XVII в., в % / The number of peasant households in the villages of Yelets uyezd according to the land register of the 1630s, in %

Неравномерное распределение крестьян наблюдается не только по станам, но и по населенным пунктам. Так, к примеру, больше половины крестьянских дворов населяли елецкие деревни и починки (составляло 56%), остальная

часть проживала в селах. Следует сказать, что их количество в Елецком уезде первой трети XVII в. значительно превосходило количество сел (72 и 57 в первом случае, 40 – во втором).

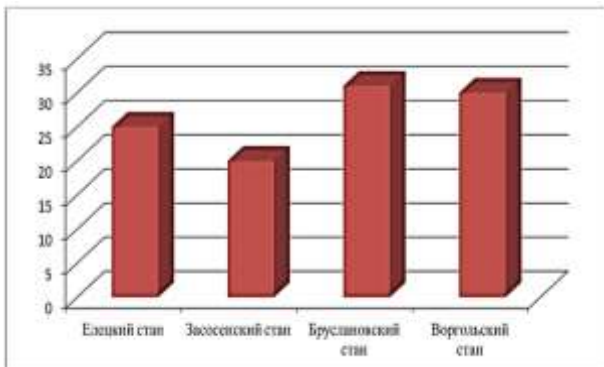

Диаграмма 3 / Diagram 3. Количество бобыльских дворов станов Елецкого уезда по данным писцовой книги 30-х гг. XVII в., в % / The number of bobyl households in the Yelets uyezd camps according to the census book of the 1630s, in %

Данные сельские поселения представляли собой небольшие населенные пункты в несколько крестьянских дворов. Крупные села и деревни в Елецком уезде встречались крайне редко. Однако справедливо отметить, что треть или четверть крестьян того или иного стана могла уместиться в трех или четырех таких поселениях. К примеру, в Воргольском стане на территории сел Никольское, Егорьевское и деревни Нижняя Другая располагалось порядка 150 дворов, что в процентном соотношении составило треть всех крестьян, населявших данный стан.

Самым многочисленным населенным пунктом Елецкого уезда в первой трети XVII в. было село Дмитриевское Елецкого стана. Крестьянское население здесь было сосредоточено на землях 26 мелких поместий, где находилось в среднем по 2 – 4 двора. Больше всех их было отмечено писцами в поместьях недоросля Анкудина Огнева и братьев Стукаловых. Помещичий род Огневых известен в Ельце со времен строительства новой елецкой крепости в 1592–1593 гг. Дед Анкундина, Яков Огнев, упоминается в документах о строительстве Ельца [3, с. 198], как помещик, получивший поместье 100 чет. на р. Пальна под Большим лесом. Сын Якова и отец Анкундина Терех также служил в Ельце. Однако во время сторожевой службы был взят в плен татарами [12, л. 295 об.] Дальнейшая судьба Тереха Яковлевича, к сожалению, не известна. Его поместье в 70 чет. в селе Дмитриевском (Рогатово) было отдано его несовершеннолетнему сыну Анкундину, которому было на тот момент 7 лет [12, л. 295 об.]

Неподалеку от Огнева находилось поместье братьев Терентия и Ермола Стукаловых [10, л. 311 об.] Их отец Савелий Федорович, вероятно, был родом из казаков, который по цар-

скому указу так же приехал в Елец на службу в конце XVI века [3, с. 28, 198, 202]. Он получил поместье на Крутом верху под Елецким лесом, а также 100 чет. на р. Пальне. Савелий погиб на службе, а в его поместье остались жена Фотиния и сыновья Терех и Ермол [11, л. 148; 12, л. 311]. По писцовым данным 1628/1630 гг. на землях Стукаловых располагались 6 дворов бобылей, где проживали 12 человек [10, л. 310 об.]

Следует отметить, что в с. Дмитриевском бобыли составляли большинство по отношению к крестьянам: 35 дворов бобыльских (47 человек) и 31 двор крестьянских (36 человек).

Второе по численности крестьян сельское поселение находилось к западу от Ельца в Воргольском стане и располагалось на «Кривом колодезе под Радушкиным лесом» – это деревня Нижняя Другая (Другая Крутая) [10, л. 1323–1338]. Здесь находилось 9 светских поместий, 42 крестьянских и 23 бобыльских дворов. В этой деревне проживал и старый елецкий помещик Сергей Иванович Щербатов. Он владел 12 дворами крестьян да бобылей [10, л. 1333]. По 10 дворов находилось у детей боярских Добрыни Семеновича Рошупкина [10, л. 1336 об.] и Андрея Карповича Лыкова [10, л. 1327]. Оба этих помещичьих рода известны в Ельце с конца XVI в. [3]. Меньше всего крестьян проживало в имении помещика Степана Домова: двор крестьянский и двор бобыльский.

Третьим крупным населенным пунктом Елецкого уезда по данным писцов Леонтия Погожева и Кирилла Семенова являлась д. Уткино Елецкого стана [10, л. 774–789]. Ее населяли казаки, в поместьях которых проживали 23 двора крестьян и 31 двор бобылей. Таким образом, в Уткино бобыльское население превалировало над крестьянским, как и в с. Дмитриевском (которое мы упоминали выше). Следует отметить, что согласно Писцовой книге 1628/1630 гг. в Елецком уезде встречались поселения, поместные земли которых обрабатывались только лишь данной, менее тяглой, категорией крестьянства. К примеру, село Бочуриново Засосенского стана, где все 10 дворов принадлежали бобылям.

На северо-востоке уезда тянулись земли Бруслановского стана. Как и в других станах, поселения в нем были не густонаселенными. Однако среди них можно выделить село Никольское (Копыльное) [10, л. 991–1003 об.] Здесь имелась церковь Великого Чудотворца Николая [10, л. 991] и 10 помещичьих дворов. Фамилии елецких детей боярских (Перовы, Ивановы, Кореёвы, Филатовы и др.), проживавших в данном селе, неоднократно встречались в различных документах конца XVI – начала XVII вв. [3]. Все они несли службу. Полученные в Никольском земли зачастую оставались за их близкими родственниками - братьями, несовершеннолетними детьми, в частности которых мы видим в писцовой книге Елецкого уезда 1628/1630 гг.

На землях всех детей боярских данного села проживали крестьяне и бобыли, за исключением Евсея Яковлевича Денисова [10, л. 1003 об.] На один помещичий двор здесь в среднем приходилось по 3–4 двора крестьянских и бобыльских. К примеру, в поместье недоросля Абрама Корева писцы отметили следующее: «в том же селе на его жребей двор помещиков да крестьянских дворов: двор Федка Кипреянов, двор Тимошка Митрофанов, двор Наумка Степанова. Да бобыльских дворов: двор Ларка Ларионов, двор Якима Савельева» [10, л. 996].

Такое неравномерное распределение крестьянских дворов по селам и деревням Елецкого уезда первой трети XVII в. зависела от разных причин. Это могли быть как географические, так и экономические факторы. Однако немаловажной для освоения уезда в первой половине XVII в. оставалась и степень внешней угрозы со стороны крымских татар, опустошительные набеги которых на южнорусское пограничье в то время были достаточно частыми.

Анализ данных писцовой книги Елецкого уезда 1628/1630 гг. так же показал о фиксации преимущественно «однолюдных» крестьянских дворов. В елецких поместьях их доля доходило до 94%. «Многолюдные», где было записано 3 человека и более, единичны. Такие дворы встречались в селах Рождественское и Введенское, деревнях Хмеленец, Хорошая, Долгая Поляна, Белевец и Меньшая Хмелевая [10, л. 821об., 1371 об.]

В крестьянских и бобыльских дворах, принадлежавших светским и духовным вотчинникам, также иногда указывалось более одного человека, например, у князя Федора Андреевича Елецкого. Он владел вотчинными землями в Елецком стане, приобретенными в 1626 г. у сына боярского Леонтия Ивановича Лужецкого в деревне Высокая (Жокова) под Хорошим лесом и помещика Богдана Игнатьевича Горяинова в деревне Кривая Поляна. У вотчинника писцы насчитали 7 крестьянских дворов (21 человек), 5 бобыльских (17 человек) [10, л. 517 – 519]. Однако, так же как и в поместьях, данная ситуация здесь являлась больше исключением, поскольку процент «многолюдных» дворов оставался намного ниже по сравнению с «однолюдными» (см. таблицу 1, 2).

Таблица 1/ Table 1

Процентное соотношение крестьянских дворов Елецкого уезда с тем или иным числом «людей» по категориям владения / Percentage of peasant households in Yelets uyezd with a certain number of “people” by ownership category

крестьяне	Елецкий уезд		
	поместья дворов %	светские вотчины дворов %	духовные вотчины дворов %
1 человек	94	77	60
2 человека	7	19	40
3 человека	0,7	-	-
4 и более людей	0,3	2,7	-
Всего	100	100	100

Таблица 2 / Table 2
Процентное соотношение бобыльских дворов Елецкого уезда с тем или иным числом «людей» по категориям владения / Percentage of bobyl households in Yelets uyezd with a certain number of “people” by ownership categories

бобыли	Елецкий уезд		
	поместья дворов %	светские вотчины дворов %	духовные вотчины дворов %
1 человек	85	62	89
2 человека	12	17	11
3 человека	1,5	14	-
4 и более людей	0,5	7	-
Всего	100	100	100

Проблема населенности двора XVI – XVII в. в писцовых книгах неоднократно поднималась отечественными историками и до сих пор имеет разные оценки. Так Н. А. Рожков понимал под «людьми во дворах», записанные писцами первой трети XVII в., как рабочее население [13, с. 147]. В. О. Ключевский видел в них хозяев двора [5, с. 373–374]. Авторы труда «Аграрная история Северо-Запада России», главным образом Т. И. Осминский, считали, что запись «люди во дворах» отражает главу семьи. Согласно их расчетам, один человек, указанный в документах, соответствует одной семье, состоящей примерно из пяти членов обоих полов. Если указано больше одного человека, каждая дополнительная единица добавляет ещё два с половиной члена семьи. Этот подход применялся ко всей территории Новгорода и использовался для анализа динамики численности населения с конца XV до начала XVIII в. [1, с. 9]. Позже Я. Е. Водарский поддержал использование данной методики, подтвердив ее достоверность на письменных материалах XVII и XVIII вв. [2, с. 120-121].

По мнению А. Л. Шапиро, в писцовых книгах 1620-х гг. «иногда учитываются только «люди» – главы семейств (как в XVI в.), а иногда все взрослые мужчины (как в переписных книгах 1640-х гг.)» [15, с. 117-118]. Л. В. Милов подчеркивал, что «в XVI в. и в первой трети XVII в. писцовые, приправочные, дозорные книги отмечали исключительно дворовладельцев и лишь иногда (в XVII в.) взрослое мужское население двора» [4, с. 137].

В попытке поиска ответа на вопрос кого следует понимать под «людьми во дворах» в елецких селениях и как согласуется «людность» с общей картиной сельского расселения, данными о «пашне паханной» и со структурой землевладения мы обратились к корреляционному методу, который используется для поиска взаимосвязей в исторических исследованиях [9, с. 250-253; 14, с. 68-71].

Мы взяли, с одной стороны, показатели, характеризующие хозяйственный потенциал (первые три показателя в таблице) и структуру землевладения (строки 4–6) в стане, а с другой –

долю «однолюдных» дворов от всех крестьянских и бобыльских дворов в стане. Данные корреляции представлены в таблице.

Таблица 3 / Table 3
Связь минимальной «людности» двора со структурой феодального землевладения и состоянием хозяйства в Елецком уезде первой трети XVII века / The relationship between the minimum population of a courtyard and the structure of feudal land ownership and the state of the economy in the Yellets uyezd in the first third of the 17th century

Показатели по станам		Коэффициент корреляции
Доля пашни паханой	Доля «однолюдных» дворов	0,37
Доля пашни наездом	-/-	-0,51
Доля перелога	-/-	0,21
Доля поместных земель	-/-	0,90
Доля земли в светских вотчинах	-/-	-0,84
Доля земли в духовных вотчинах	-/-	0,24

Коэффициенты корреляции выглядят неоднозначно. Реальная зависимость прослеживается только между людностью крестьянских дворов и долей помещичьих земель, что подтверждают

наши наблюдения, сделанные в таблицах 1–2. На уровне станов преобладание «однолюдных» дворов территориально соответствует преобладанию поместного землевладения. Более того на тесную взаимосвязь крестьянина и помещика указывает и то, что порядка 90% всех крестьян и бобылей уезда проживало на помещичьих землях.

Таким образом, отвечая на вопрос кого следует понимать под «людьми во дворах» крестьянских и бобыльских Елецкого уезда, учитывая статистические данные и результаты корреляции, можно предположить, что писцы Леонтий Погожев и Кирилл Семенов, описывая елецкие села и деревни, указывали во дворе хотя бы одного человека, вероятнее всего дворовладельца, чтобы зафиксировать его как «живущий».

Результаты. Неравномерное размещение крестьянских хозяйств в селах и деревнях Елецкого уезда в первые десятилетия XVII в. было обусловлено рядом объективных факторов: природные условия, экономические обстоятельства, внешняя угроза, исходившая от крымских татар. В обстановке внешней опасности, частых случаев бегства крестьян, было важно зафиксировать дворовладельца – человека, способного обрабатывать землю и нести тягло по отношению к землевладельцу. В этом были заинтересованы как помещики, так и государство.

Литература

1. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. 321 с.
2. Водарский Я. Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России XVI–XIX вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М.: Издательство Института истории СССР, 1974. С. 117-130.
3. Глазьев В. Н., Новосельцев А. В., Тропин Н. А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592 – 1594 годах. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. 274 с.
4. Источниковедение истории СССР. М.: Высш. школа, 1981. 496 с.
5. Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах Т. VIII. М.: Госполитиздат, 1959. 489 с.
6. Ляпин Д. А. О записи крестьян в служилые люди крепостей Юга России в конце XVI в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. С. 178-186.
7. Ляпин Д. А. Дела о крестьянах на юге России в 20-е годы XVII века. // Вестник ВолГУ. 2020. № 5 (25). С. 162-171.
8. Ляпин Д. А., Жиров Н.А. Колонизация Верхнего Подонья в XVII веке (Засосенский стан Елецкого уезда) // Альманах современной науки и образования. 2014. № 8 (86). С. 108-111.
9. Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография. Компьютер. Методы исследования. М.: Издательство Московского университета, 1986. 301 с.
10. РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Д.133.
11. РГАДА. Ф. 210. Оп.4. Д.90.
12. РГАДА. Ф. 210. Оп.4. Д.87.
13. Рожков Н. А. К вопросу о достоверности писцовых книг // Труды Археографической комиссии Московского Археологического общества. 1899. Вып.1(1). С. 140-149.
14. Черненко Д. А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. (опыт региональной типологии). Вологда: Древности Севера, 2008. 224 с.
15. Шапиро А. Л. Живущая четь и живущая выть // Вспомогательные исторические дисциплины. 1987. Вып. XIX. С. 94-117.

References

1. Agrarian History of Northwestern Russia in the 16th Century: The Novgorod Five. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch publ.; 1974. 321 p. (In Russ.).
2. Vodarsky YE. On the Average Size of Peasant Families and the Population Density of Farmsteads in Russia from the 16th to 19th Century. Current Issues in the History of Economy and Population in 17th Century Russia. Essays in Historical Geography of the 17th Century. Moscow: House of the Institute of History of the USSR Publishing; 1974. p. 117-130. (In Russ.).

3. Glazyev VN., Novoseltsev AV., Tropin NA. The Russian Fortress on the Southern Borders: Documents on the Construction of Elets, Settlement of the City, and Surroundings in 1592–1594. Elets: EGU named after I.A. Bunin publ.; 2001. 274 p. (In Russ.).
4. Source Studies of the History of the USSR. Moscow: Higher School publ.; 1981. 496 p. (In Russ.).
5. Kliuchevsky VO. Writings in Eight Volumes, Vol. VIII. Moscow: Gospolitizdat publ.; 1959. 489 p. (In Russ.).
6. Lyapin DA. On the Registration of Peasants as Service People in the Fortresses of Southern Russia in the Late 16th Century. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. 2019;Series Humanities:178-186. (In Russ.).
7. Lyapin DA. Cases About Peasants in Southern Russia in the 1620s. *Vestnik VolGU*. 2020;25(5):162-171. (In Russ.).
8. Lyapin DA., Zhiron NA. Colonization of the Upper Don Region in the 17th Century (Zasosensky District of Elets County). *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*. 2014;8(86):108-111. (In Russ.).
9. Milov LV., Bulgakov MB., Harskova IM. Trends in Agricultural Development in Russia in the First Half of the 17th Century: Historiography. Computer. Research Methods. Moscow: Publishing House of Moscow University publ.; 1986. 301 p. (In Russ.).
10. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 1209. Inv. 1. D. 133.
11. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 210. Inv. 4. D. 90.
12. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 210. Inv. 4. D. 87.
13. Rozhkov NA. On the Question of the Reliability of Pisans'Books in Proceedings of the Archeographic Commission of the Moscow Archaeological Society. 1899;1(1):140-149. (In Russ.).
14. Chernienko DA. Land Ownership and Economic-Demographic Processes in Central Russia in the 17th-18th Centuries (Experience of Regional Typology). Vologda: Antiquities of the North publ.; 2008. 224 p. (In Russ.).
15. Shapiro A.L. The Living Reading and the Living Wail in Auxiliary Historical Disciplines. 1987;19:94-117. (In Russ.).